

17 АПР 43

Вечер 5 В. И. Качалова

Качалов, как чтец драматических отрывков, всегда остается актером. Для него текст — повод к игре. И хотя нет вокруг ни декораций, ни бутафории, и хотя Качалов появляется перед зрителем в обычном городском костюме, — его концерты воспринимаются, как спектакли.

Поэтому так пристально следить не только за всем богатством оттенков и интонаций качаловского голоса, но и за движениями его рук и пальцев, за выражением глаз, за изменчивой мимикой лица, за пластикой его поз.

Вершиной этого драматического чтения является у Качалова разговор Ивана Карамазова с чортом. С изумительной психологической четкостью Качалов передает все контрасты ночного кошмара. Тихорадочный стиль Достоевского, все противоречия души Ивана раскрыты Качаловым до конца. И совсем в ином плане, но с такой же художественной убедительностью звучит в устах Качалова «Песнь о вещем Олеге» Пушкина, где с необыкновенной величественностью дан и живописный пейзаж Приднепровья и строгий облик князя, где звучат мечи битвы и печально свершается торжественная трагедия.

Творческий вечер 12 апреля Качалов посвятил Шекспиру. В летописях Художественного театра навсегда сохраняются образы Юлия Цезаря и Гамлета, созданные Качаловым в разные годы его сценической жизни. Цезарь был сыгран Качаловым в приемах психологической характеристики. Это был Цезарь — человек, лишенный черт импозантной театральности. В образе был глубоко раскрыт извилистый ход личных чувств властителя.

Гамлет Качалова был прежде всего человеком мысли. Среди бесчисленных толкований этого всё еще неисчерпаемого образа Качалов выступал, как воплотитель образа человека, осмелившегося взглянуть в самые глубины встревоженной человеческой совести.

В своем шекспировском концерте Качалов произносил речи Брута и Антония над телом Цезаря, играл вместе с А. К. Тарасовой знаменитую встречу герцога Глостерского с Анной из «Ричарда III», исполнял сцены II действия «Гамлета».

Умное и блестящее мастерство Качалова торжествовало в разносторонней передаче шекспировских характеров. Прямолинейный Брут, вкрадчивый Антоний, воплощенный дьявол Ричард — все это отличалось точностью классического рисунка.

В сценах из «Гамлета» Качалов выступает без партнеров. Он говорит и за Полония, и за Розенкранца и Гильденстерна, и за первого актера. Это превосходный образец актерской виртуозности, но, пожалуй, в этом раздвоении, а то и расстроении Качалов невольно меньше оставляет изобразительных средств на долю самого Гамлета. Качалов-Гамлет как будто уходит в тень. И потому особенно отрадны, когда наступает момент монологов, и, не мешая самому себе, Качалов, наконец, может вполне отдаться мыслям и чувствам Гамлета.

В заключение вечера Качалов читал стихи и сонеты Шекспира, балладу «Джон ячменное зерно» Бернса. Все это, превосходно переведенное Маршакom, Пастернаком и Багрицким, давало возможность Качалову показать себя чудесным исполнителем лирической мимики.

Н. ВОЛКОВ.